

ответственности дружков внучки Бжшкяна и их влиятельных родителей.

В «Допросе» удивляет и другое обстоятельство — наличие второй сюжетной линии, не менее интересной, но имеющей очень малое касательство к «делу орла» и поэтому ненужной. Аршакян влюбляется в жену своего предшественника Текхи Папоян. После смерти мужа она вышла замуж за пожилого человека, но мечтала о настоящей любви и нашла ее наконец в лице Аршакяна. Все это само по себе могло бы стать интересным, но в своем месте. А в этой повести история Текхи только «засоряет» основную линию, раздробляет целостность повести.

Преван.

« »?/ .
 - 1973. - 10. - .
 15-17. - ().

М. Синельников

ОТЧЕГО ЖЕ ТАК СУХ «СУХОЙ БОР»?

Андрей СТАРЦЕВ. — СУХОЙ БОР.
 Роман. — «Октябрь», 1973, №№ 4—5.

З апрокинув голову, женщина лежала на снегу. На иссиня-белом лице резко темнели брови и ресницы.

Лихое начало у романа Андрея Старцева. При необычных обстоятельствах знакомятся между собой его герои — журналистка Дина Волюнкина и инженер-строитель Алексей Белозеров. Первая помощь, оказанная Белозеровым повредившей ногу лыжнице, и красивый свитер, бесстрашно оставленный ей (у героя ревнивая жена Мина), — залог дальнейших,

обычно небезыntenесных для читателей «личных» коллизий.

Расчет автора, прямо скажем, не слишком глубок и оригинален. Но, с другой стороны, он и отнюдь не криминален, по-своему даже правомерен: кому из пишущих не хочется, чтобы его читали?

Однако же одним начальным приемом интереса к произведению, понятно, не создашь. И скажем откровенно: получился роман весьма и весьма скучным. Уныло, однолинейно описываются в нем дальнейшие отношения Белозерова и Дины, любовь, вспыхнувшая меж ними, и их намерение предоставить времени решение своей судьбы... Уныло и однолинейно описываются и прочие события, которые затрагивают немалое число жизненных проблем и в которых участвуют многие и многие персонажи.

Эти «прочие» события, прочие линии — главное в романе. Он не о любви, он о производстве. О строительстве в северном поселке Сухой Бор целлюлозного комбината. О том, как нужды народного хозяйства потребовали досрочного ввода комбината в строй, как пришлось работать в необычных условиях и при этом резко выявились два разных подхода к делу. Один, которого придерживалась влиятельная часть руководителей стройки, полагался в основном на начальственную волю и на авральность. Другой, инициатором которого выступил Белозеров, во главу угла ставил научную организацию труда и всемерное развертывание инициативы.

Как свидетельствует редакция «Октября», автор романа — журналист, «Сухой Бор» — его первое художественное произведение. А. Старцев, надо полагать, журналист серьезный и вдумчивый. В романе есть такие штрихи и подробности, которые говорят о знании автором предмета, о том, что производственные коллизии не выдуманы, а увидены в самой жизни.

Но, как известно, знание предмета еще не обеспечивает успеха в литературе: перед читателем ведь не статья, не очерк даже, где бывает достаточно более или менее прямых «формулировок», а художественное произведение, где идеи и выводы должны прежде всего вытекать из логики образов, из их взаимодействия. Изобразительная скудость, на редкость сухой, лишенный красок язык — вот что присуще роману А. Старцева. А при

таких условиях, конечно же, невозможно реализоваться авторскому замыслу, пусть и самому серьезному, самому доброму.

«Когда он сказал, что ему поручено через три месяца ввести ТЭЦ-два в эксплуатацию, люди оживились. Белозеров попросил инженеров подготовить расчет потребности рабочей силы и материалов, имея в виду завершение строительства и монтаж в указанный срок...»

«Председательствовал секретарь парткома Чернаков. Мысль пригласить его на беседу принадлежала Корчемахе. Разговор начался вступительным словом секретаря парткома, который напомнил о важности быстреего ввода в действие ТЭЦ-два. После Чернакова Белозеров рассказал о сетевом графике строительства и монтажа электростанции. Затем Корчемаха поделился опытом обеспечения строителей ТЭЦ материалами, в частности бетоном для заливки фундаментов котельного цеха...»

«Марье Акимовне было за во-семьдесят, и она давно перестала играть активную роль в семейных делах...»

«Иногда по предварительной договоренности они стучали в стену, которая разделяла их квартиры, чтобы одновременно спуститься вниз, когда вместе собирались идти в кино...»

Не дело рецензента — учить писать автора прозаического произведения, да я и не собираюсь брать на себя столь ответственную миссию. Просто хртелось бы спросить А. Старцева: неужели ему все равно, в каком «словесном» уборе выпустил он в свет первое свое детище? Ведь абзацев, вроде только что приведенных, в романе не счесть. Право, как можно повествовать о волнующих событиях, связанных с досрочным пуском ТЭЦ, стилем докладной записки? Как можно подменять рассказ о важном собрании формальным протоколом? Как можно о семейных делах героев сообщать языком плохой передовицы, а о посещении кино говорить таким образом, что это посещение и вовсе начинает выглядеть полусекретной акцией стратегического характера?

Основной производственный, вернее, производственно-психологический конфликт романа связан с отношениями между Белозеровым и Шаниным, опытейшим хозяйственником, начальником строительного треста. Шанин — умный и честный человек,

привыкший, однако, руководить по старинке, уповаящий на нажим, натиск, единоличное решение вопросов. Надо сказать, иные сцены, где автор показывает Шанина наедине со своими мыслями или передает речь героя, говорят о способности А. Старцева подмечать характерное в человеческом облике. Однако в целом и эта линия романа воплощена умозрительно, вне психологической конкретности.

Роман кончается тем, что Шанин понимает правоту Белозерова. А Белозерову, с другой стороны, удалось, как выразился один из персонажей, «возвратить систему Шанина». Белозеров доказал преимущества работы по-новому, пустив в кратчайшие сроки ТЭЦ, вытравив и другой объект. Как удалось ему это сделать?

«...Попытаюсь кратко сформулировать условия, которые определили успех. Первое — сознательное отношение к делу рабочих, строителей и монтажников... Второе — четкое планирование строительно-монтажных работ. Мы составили график... График торопил, поднимал ответственность каждого рабочего... ТЭЦ-два превратилась в огромную лабораторию, весь наш коллектив — это постоянно действующая творческая бригада... И, наконец, третье условие — материальное и прежде всего моральное поощрение строителей... Значительные суммы выплачивались за рационализацию... Рационализаторство носило массовый характер. — Белозеров помолчал, раздумывая, не упустил ли чего...»

Его выступление слушали, застав дыхание...»

Смею высказать предположение, что читатели романа в отличие от участников собрания не затаивают дыхания, знакомясь с этими «кратко сформулированными условиями». Но в данном случае хотелось бы обратить внимание даже не на это, не на безликий, казенно-отписочный стиль, каким оснащает автор речь своего героя. Хотелось бы сказать о другом. Дело в том, что победа прогрессивных белозеровских методов представлена в романе в основном лишь в виде готовых выводов. Ей отдается должное в разговорах, на совещаниях, на собраниях... А между тем романто требует изобразительной конкретности. Он должен показывать, а не излагать.

Конечно, А. Старцев вводит в текст эпизоды, иллюстрирующие те или иные «условия» успеха

Белозерова. Но именно лишь иллюстрирующие.

Сознательное отношение к делу? Извольте. Передовой бригадир маляров Эдик Дерягин проявляет инициативу — добивается, чтобы пустили резервный дизель-генератор, поскольку отказал основной источник энергии. Автор всячески драматизирует не столь уж сложную ситуацию: выжидая, как решится дело, Эдик чрезвычайно волнуется, «работа у него расклеилась: то краска ползла вниз, то на стене появлялись темные пролысины». А затем, естественно, у Эдика «полосы колера ложились ровные, блестящие».

Рационализаторство? Извольте, вот случай — лучше не найдешь.

«...К Белозерову с утра зашел Ядрихинский, по обыкновению присел на табурет у двери...

— Соображение, Алексей Лексеич, у меня появилось вот какое: а что ежели растворенасос на крышу поднять?

...Соображение Ядрихинского сулит двойную выгоду: можно не только сэкономить несколько дней на отделочных работах, но и раньше начать изоляцию трубопроводов в машинном цеху...

— Выручили вы нас, Калистин Степанович, спасибо! — Белозеров еще раз крепко пожал руку Ядрихинского. — Оформим вашу идею как рацпредложение...»

Однако же не цепочки иллюстраций (пусть и не столь плоско выполненных, как приведенные) создают убедительность в художественном произведении, а логика развития сюжета, логика взаимодействия персонажей. Но этой-то логики и не хватает роману А. Старцева. Есть результаты, есть орыводы — и нет движения, нет самого процесса. Вот Шанин решает перевести на меньшую должность опытного инженера Шемберга. Нам сообщается, что Шемберг груб с людьми и вообще его стиль работы — своеобразный «край» шанинского стиля. По мысли все это небезынтересно. Но вот беда: нет в романе ни одной серьезной ситуации, которая позволила бы наглядно представить себе качества Шемберга и их связь с качествами Шанина.

Или еще пример, несколько иного рода: изменяется к лучшему Голохвастов, тоже опытный специалист, вступивший было в конфликт с Белозеровым, но затем понявший, что не прав, и почувствовавший вкус к работе. Любопытное? Наверное. Если, опять-таки, все это было бы пока-

зано в действии, а не поведано в разговорах! Право, недаром удивляется Шанин, когда Белозеров в конце романа говорит ему о Голохвастове как о человеке, который смог бы «научно организовать работу».

«...Шанину показалось, что он ослышался.

— Вы сказали: Голохвастов? — уточнил Шанин. — Василий Васильевич?

— Да, — подтвердил Белозеров. — А что?

— Вы, кажется, были им недовольны? — напомнил Шанин.

— Был, — подтвердил Белозеров. — Но он очень изменился. Другим стал человеком...»

Вот так, просто и четко: другим стал человеком. Не правда ли, какой благодарный материал для художественного исследования? Если бы оно, разумеется, состоялось...

Подробно поведана в романе история председателя стройкома треста Волынкина, Секретаря горкома Рашов добивается снятия Волынкина с поста. Аргументация Рашова в общем-то сводится к тому, что Волынкин отстал и отстал главным образом по причине своей малой образованности. Вот бы и увидеть, как проявляется эта необразованность, несовременность Волынкина в общении с рабочими, с руководством стройки... Но такой возможности автор нам не предоставляет. Мы узнаем лишь, что жену Волынкина Дину ужасно раздражает слово «увидаемся», неправильно произносимое супругом вместо «увидимся». (Сама Дина, кстати, можно полагать, весьма культурна: она, приходя в гости к подруге, как деловито сообщает автор, оставляет туфли в прихожей.) А также узнаем, что Волынкин просит знакомого учителя проверить на предмет запытых одну свою бумагу. Как-то маловато это для полной компроматации Волынкина! «Это что же получается, — говорит знакомый Волынкина. — Диплом есть — значит, все ладно, диплома нет — катись колбаской?» А. Старцев хотел, вероятно, показать, что дело куда сложнее, но в общем-то действительно выходит, что для полного счастья Волынкину не хватает именно диплома... И вся история эта, лишенная психологической конкретности, рассказывается автором никчемно, невнятно. Рашова поправляют, оставляют Волынкина на месте. Затем, к самому концу романа, его все-таки — и снова без всяких видимых причин — перемещают: «Шанин написал письмо в главк с

просьбой утвердить для Бум-строителя должность заместителя директора комбината подсобных предприятий по общим вопросам». Видимо, это следует понимать так, что на новой и не столь уж скромно звучащей должности волюнтерское «увидаемся» никого уже смущать не будет...

Кстати, о должностях, назначениях и перемещениях. Читая роман, нельзя не заметить, что автор его с каким-то непонятным тщанием выписывает все, что относится к должностям, субординационной атрибутике. Вот он аккуратно сообщает, как один из персонажей, ответственный работник, прошелся в кабинете «от стола к двери по малиновой дорожке» или скупно и значительно «постучал пальцами по светлой лакированной поверхности стола». Вот без тени юмора живописует, как Рашов и Шанин не могут решить, кому первому пройти в дверь, и старательно объясняет, почему так получается: «Рашов кивком поблагодарил, но остался на месте, легким движением руки пригласив хозяйку идти первым и словно бы давая понять, что со стороны Шанина по отношению к нему, человеку молодому, хоть он и секретарь горкома, такая честь чрезмерна». Автор не замечает, как неуместно звучит в описаниях действий героев словечко «лично»: «Рашов... лично утвердил перечень вопросов», «Шанин... лично обзвонил все участки», «...мог лично влиять на строительство каждого объекта». Как будто личная работа для ответственных людей и впрямь есть нечто необычное.

Читаешь такое и думаешь: право, это еще одно, пусть и косвенное доказательство того, о чем уже говорилось: коллизии романа разрешаются преимущественно на совещаниях и заседаниях, в залах и кабинетах — в ущерб тому, что принято называть гущей жизни, в ущерб последовательному психологическому исследованию. И недаром едва ли не самыми иллюстративными оказались в романе те немногие страницы, где действуют непосредственные и главные исполнители новых начинаний — рабочие. Таковы, например, страницы, где говорится о знатном строителе, герое труда Скачкове — персонаже, который и запоминается-то, к сожалению, лишь тем, что в отличие от большинства вполне грамотно изъясняющихся героев говорит почему-то не иначе как «дак» и «давача».

Эта рецензия началась с разговора о «личных» взаимоотноше-

ниях героев. И не возвращалась к ним, поскольку эти взаимоотношения, как уже сказано; не главное в романе. Стоит сказать лишь, что изобразительная сухость, неумение обосновать поведение персонажей в «личных» сценах дают себя знать еще более резко. Приведу только один пример. Дина Волинкина у себя дома размышляет о Белозерове и о своем отношении к мужу. «Вот она сидит в просторной, хорошо обставленной комнате, за дверью спит близкий человек, пусть не молодой, но любящий ее, готовый за нее умереть». Эти «пусть» и «но», право, дорогого стоят! Благородная Дина (а именно так относится к ней автор) выглядит здесь просто пошловато. И все, наверное, оттого, что очень уж неточные слова подбирает автор романа.

«Сухой Бор» написан о современном производстве, написан на важную тему, именуемую — в широком смысле — темой рабочего класса. Я уже отменял в начале рецензии: автору, конечно же, знакомы занимающие его проблемы. Заслуживают поддержки многие его мысли, высказанные им прямо или вложенные в уста героев, — мысли о необходимости работать по-новому. Однако же важно не просто высказывать хорошие мысли, не просто делиться наблюдениями — важно уметь художественно выразить их. А этого-то автору «Сухого Бора» сделать, увы, не удалось...

С. Веткин

ПОБЕДА

САРАТ

Муса МАГОМЕДОВ. — ПРЕДИСЛОВИЕ К ГОРНОМУ ЭХУ. Повесть. Перевод с аварского Анатолия Иванова. — «Огонек», 1973, №№ 15—20.

«...Премьера «Отелло» прошла с триумфом. Ее Сарат — Дездемону, завалили цветами, она оглохла от грома аплодисментов.

Плакал старый и добрый Ираклий Павлович Джапаридзе, стоя на сцене среди рукоплескавших ему артистов, плакал, не стыдясь ни зрителей, ни товарищей по работе. Потом он подошел к Сарат, трясущимися руками взял ее руки, хотел их поцеловать, но она опередила его: опустилась перед ним на колени и низко, почти до самого пола, поклонилась старому, седому человеку. И в эту секунду новый, неслыханный в этих стенах шквал аплодисментов взорвался в зрительном зале».

Этой сценой признания аварской драматической актрисы завершает Муса Магомедов свою новую повесть «Предисловие к горному Эху».

Теме женщины, ее судьбы — одной из ведущих в горских литературах — посвящено немало произведений в Дагестане. Магомедову, пишущему главным образом о современной действительности родной республики, удалось найти, пожалуй, новую героиню: это горянка, которая занимается трудом, осуждаемым древними обычаями. Вспомним, что замкнутость мира женщины культивировалась в горном крае веками, что с понятиями чести и порядочности не совмещался образ горянки, выступающей перед большим скоплением народа, не зависимой от мужчин, одинокой. А Муса Магомедов делает героиней именно такую женщину. И должен не только «оправдать» ее («поведение», но утвердить в сердцах аульских читателей то признание, уважение, почет, которого она заслуживает.

Эта настроенность на такого читателя в известной мере предопределила форму произведения, бесхитростную последовательность в изложении биографии героини, сдержанный, словно бествования, ровный тон повествования. Все для того, чтобы каждый поверил в достоверность рассказа, в реальное существование такой женщины.

Знание писателем национальной психологии, особенностей мышления горцев, их обычаев сказалось на создании характеров, на воспроизведении образа жизни и аульчан и городской театральной среды. Отдавая дань традиционной обстоятельности «узнавания» нового человека, писатель начинает рассказ о своей героине со знакомства с ее родителями.

Мы узнаем, что отец ее, Эльдар, погибший на войне, был большой мастер петь песни, и ни один праздник не обходился без